

Размещение и наказание НОВЫЙ ОТЕЛЬ REVAL SONYA В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Екатерина Истомина

СРЕДИ обитателей Литейного проспекта, улиц Чайковского, Фурштадской и Кировской этот оригинальный дебютант гостиничного рынка Санкт-Петербурга уже получил прозвище: в округе отель зовут «Соня». Учитывая климатические особенности Петербурга, можно было бы предположить, что отель заточен под непрерывный сон его постояльцев, под такой сладостный, а никак не сладострастный сон, которому позавидовали бы и обитатели Обломовки. Знай спи себе в этой милой-милой «Соне», как в теплой норе, только вызывая время от времени к большой подушке представителя отельного *room service* с вареньем, настойками и пельменями. Однако в данном случае на отельной авансцене выступило иное произведение великой русской литературы, а именно роман Достоевского «Преступление и наказание» (1866). А Sonya — это Сонечка Мармеладова. Нормальный русский литературный ум мог бы сразу же предположить, что зона ресепшн Reval Sonya украшена, положим, окровавленными топорами, а на самой стойке регистрируют испуганных приезжих золотушный студент и старуха-процентщица с беременной сестрой. Но этот отель принадлежит норвежской гостиничной цепочке Reval Hotels (сеть не просто управляет отелем, она им владеет), представители которой (например, генеральный директор господин Юрис Зудовс) по-другому, чем русские люди, смотрят на мир. Сказать, что в Reval Hotels смотрят на мир более радостно, истинно по-норвежски, мы бы не рискнули. Итак, Reval Sonya — это русский «литературный» отель, каким видит его суровый и честный скандинавский человек. И побывать здесь — целое приключение. Здание отеля расположено на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского, но не той ее части, которая потом приводит к Таврическому саду, а той, что идет в сторону набережной Фонтанки. Почти напротив Reval Sonya находится Большой дом (Литейный проспект, 4–6), или же управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, памятник конструктивизма, построенный по приказу Кирова в 1931–1932 годах. Большая часть окон отеля имеет вид именно на Большой дом, и какая-то определенная достоевщина в этом есть. Двери в Reval Sonya имеют странную конструкцию: они прозрачные, с нанесенным морозным узором и распахиваются прямо в нос постояльцу. Положим, постоялец — человек деловой и шустрый и от удара дизайнерских дверей увернулся. И вот в лобби его ждут гигантская палехская шкатулка, связки дров, круглая скамейка с павловопосадскими платками, отряд матрешек, а также пельменное предложение от отельного ресторана «Метаморфозы». Кстати, пельмени (по 220 руб. за керамическую миску) здесь отменные. Только это очень крохотные пельмени. Так сказать, дизайнерские. И сам отель (173 номера, ресторан, бар, фитнес-центр, конференц-зал) тоже бесспорно дизайнерский. Внутри здания прорублен атриум (на первом этаже предлагают завтраки и газеты). Пространство атриума украшено флагами с орнаментами «березка» и «елка». Если вы, положим, гость из дружеской Финляндии или из капиталистического Стокгольма, то вам в Reval

Sonya понравится. В меру мрачно, надрывно, художественно и загадочно. Вот, оторвавшись от метровых матрешек, вы попадаете в большой люкс, где ковролин седого, как равнина моря, и синего цветов также создан с использованием павловопосадских рисунков. В люксе (на иные номера, как нам показалось, не стоит обращать внимания) организована весьма светлая, с окном, санчасть, где царит исключительная и неимоверно дорогая скандинавская сантехника. Обычную русскую семью может смутить тот факт, что санчасть имеет не только дверь и окно, но и стеклянную стену, перегородку с собственно люксом. Стена — с занавеской-жалюзи, созданной из непромокаемых копий обложек «Преступления и наказания» на 15 языках. Путем определенных усилий вы добиваетесь такого положения занавески, чтобы можно было пристроиться на великолепном скандинавском унитазе с некоторой интимностью. Однако Большой дом не дремлет, его могучие антенны работают на полную мощность, и хочется уж быстрее справиться свои нехитрые дела. Однако, повторимся, скандинавские люди, вопреки, лишены страха перед Большим домом и, во-вторых, более близки к природе, чем русский народ. Они вообще могут и не закрывать эти жалюзи, ведь что естественно, то не безобразно. Нам такому еще учиться и учиться. Кровати в Reval Sonya длинные, узковатые, но мягкие. Один наш знакомый постоялец, позиционирующий себя в качестве нового русского купца, упал с такой кровати глубокой и тяжелой петербургской ночью. Упал, конечно, на павловопосадский ковролин, и это приключение стало новостью на завтраке. Итальянские гости отеля советовали ему носки. Финские — спальный мешок. Сотрудники отеля благородно вызвались расширить кровать, придвинув к ней еще одну. Вообще, надо сказать, все без исключения служащие отеля — это молодые люди и девушки редчайшего душевного склада, который

можно охарактеризовать как русский. Они улыбчивы и в меру печальны. Добрая грусть застыла в их голубых северных глазах, но она не мешает им принимать судьбоносные решения, могущие облегчить жизнь клиентов. Так, упавший с кровати постоялец доверительно рассказал, что он довольно часто заходит в свою ванную комнату и этот скромный факт мгновенно становится заметным обитателям отеля. Дело в том, что «купец» проживал в номере, чьи окна выходят не на Большой дом, а в атриум, по стене которого ездят два стеклянных лифта. Сантехническое оборудование расположено таким образом, что принять душ или воссесть на дорогой унитаз можно только на глазах у публики, путешествующей вверх и вниз на лифтах. Как «купец» ни лавировал различными частями тела, хитроумная планировка номера так и не позволила ему зажить более интимной жизнью. Сотрудники Reval Sonya, узнав о неудобствах в том месте, где должно быть сплошное удобство, предприняли немедленную эвакуацию, предложив гостю на выбор пять других комнат. «Преступление и наказание», этот самый русский западный роман, активно участвует в повседневной жизни гостиницы. Нет, речь не идет о разврате или убийстве. О философии. Наиболее ударные фразы (разумеется, «Тварь ли я дрожащая или право имею») нанесены на специальные таблички, прикрепленные к дверям номеров. Так, двигаясь по длинным коридорам здания, можно прочитать и несколько глав романа. Какой-нибудь французский структуралист сочинил бы мудрое эссе о том, как литературный текст движется в реальности, хотя автор давно и умер, а читатель все время пьян. Но в Reval Sonya все устроено проще: это оригинальная дизайнерская иностранная шкатулка, в которой уместились и наш трагический цитатник, и полы с подогревом, и матрешка, и пельмени, и бесплатный Wi-Fi.

www.revalhotels.com